

M. Krause. Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007, xv + 250 S. (Slavistische Studienbücher, Neue Folge. Bd. 17).

Марион Краузе (Институт славянских языков Экономического университета Вены) – славист, автор ряда исследований в области когнитивной лингвистики, психолингвистики,

социолингвистики, распознавания речи, а также эпистемической модальности, являющейся предметом рассмотрения рецензируемой работы. «Эпистемическая модальность: к взаи-

модействию лексических и просодических показателей» – семнадцатая книга в Новой серии немецкого издания «*Slavistische Studienbücher*», включающей монографии и сборники статей, посвященные различным аспектам славянской филологии и истории славянских народов. Тема модальности уже затрагивалась ранее в рамках данной серии в четвертом выпуске [Jachnow et al. 1994], где рассматривались некоторые общие вопросы, связанные с реализацией модальных значений в языках славянской группы. Работа же М. Краузе затрагивает более частную проблематику – а именно, поле эпистемической модальности и специфику средств ее выражения в русском и сербохорватском языках.

Под эпистемической модальностью в лингвистике принято понимать оценку говорящим степени его уверенности в истинности сообщаемой информации, то есть характеристику содержания высказывания с точки зрения его соответствия действительности. Аналогичного понимания придерживается и М. Краузе.

Среди модальных значений, являющихся, как известно, предметом непрерывной дискуссии лингвистов, эпистемические вызывают, пожалуй, наименьшие споры. Тем не менее, некоторые разногласия все же имеются. Существующие расхождения связаны, в основном, с разделением поля эпистемической модальности на более частные значения, с отнесением к данному полю некоторых дополнительных смыслов и с терминологией. Так, в разных работах указанные значения называют также модальностью истинности/правдивости, проблематичностью, персуазивностью и субъективной модальностью, однако используемое Краузе название эпистемическая модальность является наиболее распространенным.

Помимо оценки достоверности сообщаемого, составляющей ядро рассматриваемого семантического поля, некоторые исследователи относят к эпистемическим ряд других значений, связь которых с такой оценкой скорее косвенна, – как, скажем, значение контрафактического долженствования в [Bybee et al. 1994: 180]. Неоднозначным является также отношение к эвиденциальности: если А.Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2004], например, считает эвиденциальность отдельной, никак не связанной с эпистемической модальностью категорией, то большинство других исследователей (Ф. Палмер, Т. Гивон, С. Чанг и А. Тимберлейк, В.А. Плуноян и Й. ван дер Аувера и др.) приводят аргументы в пользу близости и типологической связи соответствующих смыслов (многие лингвисты при

этом относят к модальным не все, а только некоторые из эвиденциальных значений). Последней точки зрения придерживается и М. Краузе, отмечая, что связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью существует во всех языках, где информация, полученная менее прямым путем (скажем, через посредников), воспринимается как менее достоверная.

Классификация ядерных значений поля эпистемической модальности также неоднородна. В некоторых исследованиях предлагается выделять два базовых значения эпистемической модальности: эпистемическую возможность, соотносящуюся с невысокой степенью уверенности говорящего в достоверности некоторого положения дел, и эпистемическую необходимость, характеризующую относительно высокую уверенность говорящего (близкий смысл имеет противопоставление понятий *possibility* и *certainty* в [Lyons 1971]). В других работах эпистемические значения разделяются на три типа: слабую, среднюю и высокую степени уверенности говорящего. Фактически, данные подходы не имеют принципиальных различий: ясно, что степень уверенности говорящего представляет собой некоторый континуум (ср. [Зализняк 2006: 483–486]), который можно разделять на значения с разной степенью детальности.

Так, при проведении экспериментальной части работы (см. подробнее ниже) М. Краузе использует шкалу из пяти значений: «совершенно уверен», «почти уверен», «скорее уверен, чем неуверен», «скорее неуверен, чем уверен», «неуверен». Подобное деление тоже, очевидно, не является максимально подробным: например, на данной шкале отсутствует «срединное» значение, соотносящееся с таким состоянием субъекта, при котором положение дел оценивалось бы им как соответствующее или не соответствующее действительности с равной степенью вероятности. Заметим, впрочем, что для целей рассматриваемой работы его выделение действительно не является релевантным, поскольку для анализируемых в ней модальных слов и частиц выражение подобного значения нехарактерно. Вводным словам с эпистемической семантикой в обычном случае, как правило, не свойственно маркирование указанного смысла, все они так или иначе содержат указание либо на большую, либо на меньшую степень уверенности говорящего; при необходимости указать на равновероятную оценку обеих возможностей используются противительные конструкции типа *может, Иванова, а может, и нет*.

При рассмотрении эпистемических значений большинство исследований сосредоточены на двух аспектах: в работах, посвященных анализу категории модальности ([Palmer 1986; ТФГ 1990; Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998] и многих других), основное внимание уделяется определению места эпистемических значений в семантическом поле модальности и проблематике, затронутой выше. Работы же, посвященные эпистемическим предикатам (приведем в качестве примера [ЛАЯ 1988; Апресян 1995; 2001; Иоанесян 2000]), направлены на изучение противопоставлений значений знания и мнения, а также на анализ логических свойств соответствующей лексики. Рецензируемая книга М. Краузе тоже затрагивает указанные проблемы, но не ограничивается ими: в центре внимания данного исследования находится рассмотрение когнитивного потенциала эпистемических единиц, с одной стороны, и анализ их просодических характеристик – с другой.

Объектом исследования данной работы являются вводные модальные слова (такие как русск. *конечно, может быть* или сербохорв. *sigurno, može biti*) и некоторые модальные частицы (русск. *же*, сербохорв. *pa*); небольшое внимание уделяется также лексическим маркерам эвиденциальности (сербохорв. *kažu*). Прочие средства выражения эпистемических значений – в частности, модальные предикаты – в работе не рассматриваются¹.

Цель работы состоит в определении диапазона эпистемической силы (степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого) анализируемых лексем, исследовании специфики онтогенеза эпистемических значений, рассмотрении просодических характеристик высказываний, содержащих эпистемические показатели, влияния просодии на изменение эпистемической силы лексемы, а также взаимодействия лексических и просодических маркеров при определении эпистемических характеристик высказывания.

В структурном плане работа состоит из предисловия, девяти глав (главы I–IV посвящены теоретическому анализу рассматриваемой проблематики, главы V–VIII – исследованию экспериментальных данных, глава IX носит обзорно-заключительный характер), библиографии и пяти приложений с таблицами,

¹ Эпистемические предикаты также не получают в данной работе специального рассмотрения, за исключением некоторых отдельных случаев типа русского *думать* в форме I л. ед. числа, анализируемых наравне с вводными словами.

ми, где представлены статистические данные исследований в области русского и сербохорватского языков (при статистической обработке данных используются тесты Колмогорова–Смирнова, Уилкоксона и χ^2). Остановимся далее на содержании работы более подробно.

Первая глава посвящена рассмотрению различных концепций исследования модальности (ряд существенных уточнений и дополнений делается также в последующих трех главах). Важная роль при понимании модальности отводится установкам говорящего (*Sprechereinstellungen*), что обуславливает субъективизацию и прагматизацию данной категории. Названные выше цели исследования – изучение онтогенеза и просодических характеристик эпистемических маркеров – в значительной степени определяются именно таким подходом к модальности.

В зависимости от отношения к роли говорящего при понимании модальности М. Краузе предлагает выделять три основных концепции: так называемые «одномерную», «двумерную» и «трехмерную», каждая из которых имеет непосредственное отношение к эпистемическим значениям.

В «одномерной» концепции понятие модальности ограничивается эпистемической модальностью, однако эпистемическая модальность понимается при этом более широко, чем определялось выше. С эпистемическими значениями предлагается соотносить два типа случаев: отношение высказывания к действительности, передаваемое, как правило, формами глагольного наклонения и характеризующее некоторое положение дел как реальное или ирреальное (в традиционном представлении такие значения принято относить к объективной (в другой терминологии – диктальной, предикативной, общей, конститутивной) модальности, как это делается, например, в работах Е.И. Беляевой, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, Н.Ю. Шведовой, М. Грспла и др.), и оценку говорящим содержания высказывания с точки зрения достоверности (то есть эпистемические значения в указанном выше смысле). В основе «двумерной» концепции лежит разделение модальности на эпистемическую и неэпистемическую, последняя из которых подлежит дальнейшему разделению на деонтическую vs. динамическую модальность с дальнейшей классификацией. «Трехмерная» концепция, которой придерживается М. Краузе, дополняет модальность прагматической составляющей, рассматривая в рамках данной категории не только внешний и внутренний мир говорящего, но и взаимодействие говорящего и слушающего.

Приведенная классификация не охватывает всех существующих теорий: за рамками ее рассмотрения остается, например, широко распространенное представление, согласно которому в основе данной категории лежит противопоставление значений возможности и необходимости, а также концепции более широкого понимания модальности, относящиеся к этой категории характеристику высказывания в отношении утверждения/отрицания, эмоционально-качественной оценки и др. Дискуссионным, безусловно, является также отнесение форм глагольного наклонения к средствам выражения эпистемических смыслов, однако этот вопрос не является принципиальным для обсуждаемого исследования, так как данные формы в любом случае не рассматриваются в рецензируемой работе.

В последующих главах эпистемическая модальность анализируется в рамках теории оценок, в связи с чем вторая глава посвящена описанию оценок разного типа и их роли в коммуникации. Оценки рассматриваются как обязательная составляющая когнитивной деятельности человека и описываются с помощью следующей формальной схемы: *оценки некоторого объекта оценки X* (коим может являться содержание высказывания, коммуникативная ситуация, участники коммуникации и т.д.) *производятся на некотором основании оценки Y* (в качестве которого могут выступать знания, интересы, нормы и пр.) *как результат Z* (*Z* представляет собой некоторую шкалу и является оценкой в узком смысле, характеризую X как хороший vs. плохой, интересный vs. неинтересный и под.). Оценки предлагается разделять на эмоциональные и рациональные, к последним из которых относится эпистемическая модальность, отождествляемая, по сути, с когнитивной оценкой.

В третьей главе, рассматривающей непосредственно эпистемическую модальность и ее связь с коммуникацией и эмоциями, эпистемические оценки определяются на основе введенных схем, при этом объектом оценки X предлагается считать некоторое положение дел, основанием оценки Y – знание, а ее результатом Z – характеристику X-а как более или менее вероятного.

Говоря о типах эпистемических значений, М. Краузе относит к эпистемической модальности не только высказывания, содержащие эпистемические маркеры – модальные предикаты, вводные слова и др. (типа *Фриц, вероятно, не читал письмо*), но и высказывания без этих показателей, служащие для констатации фактов (*Tatsachenaussagen*) (типа *Фриц не читал письмо*). Подобные высказывания, представляющие собой немаркированный

член данной категории, Краузе называет *модальными* (*modal*), противопоставляя их маркированным членам, называемым *модализованными* (*modalisiert*). В соответствии с концепцией естественности [Mayerthaler 1981; Wurzel 1984] наименее маркированный член какой-либо оппозиции является наиболее естественным. Это подтверждается и в случае эпистемической модальности: как демонстрирует Краузе на данных онтогенеза, эпистемически маркированные высказывания усваиваются детьми намного позже.

Предметом рассмотрения четвертой главы являются средства выражения эпистемических значений, разделяемые на две группы: лексические и просодические.

При рассмотрении лексических средств определяется круг лексем, исследуемых в данной работе (в центре которого, как отмечалось выше, находятся вводные модальные слова), их языковой статус и семантико-синтаксические характеристики. Рассматривается, в частности, использование модальных слов в вопросительных высказываниях, их место в предложении, способность нести фразовое ударение, описываются наиболее важные семантические группы данных маркеров, в числе которых рассматриваются также показатели эвиденциальности. Особое внимание уделяется анализу просодических свойств исследуемых лексем.

Что касается супraseгментных средств выражения эпистемических значений, то при их анализе акцент делается, во-первых, на изучение влияния интонации на эпистемическую силу лексических показателей, во-вторых, – на анализ контекстов, где просодические средства являются единственным каналом передачи эпистемической информации, то есть когда высказывания, не содержащие вербальных показателей эпистемической модальности, тоже выражают определенную степень уверенности/неуверенности говорящего.

Пятая глава посвящена описанию экспериментов, с помощью которых исследовались выделенные средства. Данные эксперименты проводились следующим образом.

Сначала дикторы, носители исследуемых языков, произносили короткие диалоги, содержащие высказывания с анализируемыми эпистемическими показателями (например: *Конечно. Иванова; Sigurno Danica*). Далее записанные реплики предъявлялись группам испытуемых, которые оценивали их с точки зрения выраженной в них эпистемической силы по пятибалльной шкале, приведенной выше. В экспериментах с русским языком принимали участие два диктора, в экспериментах с сербохорватским – три (по одному – носите-

ли сербского, хорватского и боснийского вариантов).

Эксперименты, проводившиеся с русским и сербохорватским материалом, обладают рядом различий. Так, при работе с русским языком использовались серии диалогов с различными эмоциональными коннотациями, а также делексикализованный вариант корпуса, с помощью которого оценивалась автономная роль просодии при влиянии на эпистемическую силу высказывания (в данном корпусе сегментная информация была скрыта фильтром). Работа с сербохорватским материалом ограничилась корпусом с нейтральными эмоциональными коннотациями, однако в рамках данного корпуса анализировались также такие факторы как изменение порядка слов, паузы и некоторые другие.

Группы испытуемых при работе с указанными языками тоже различались. В экспериментах как с русским, так и с сербохорватским принимали участие взрослые носители языка (23 для русского и 19 для сербохорватского), однако в экспериментах с русским языком участвовало еще несколько групп: группа взрослых носителей языка (26 человек), анализировавшая делексикализованный русский корпус; группа немецкоговорящих испытуемых, не знающих русского языка (6 человек), анализировавшая обычный устный корпус (как и в случае предыдущей группы, единственным ориентиром для испытуемых в данном эксперименте являлась просодия); группа русскоговорящих детей (шести-, восьми- и одиннадцатилетнего возраста), оценивавшая лексикализованный русский корпус, – с помощью данной группы проводилось исследование онтогенеза эпистемической модальности.

Три последующие главы посвящены описанию результатов описанных экспериментов. Так, в шестой главе рассматриваются результаты, полученные при работе над русским корпусом со взрослыми испытуемыми. В седьмой главе описываются данные изучения онтогенеза эпистемической модальности, полученные при работе с русскоговорящими детьми. В восьмой главе представлены результаты работы с сербохорватским корпусом.

В последней, девятой главе подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Проведенный анализ показал, что эпистемическая сила высказываний зависит прежде всего от лексических маркеров эпистемической модальности, однако просодия также может оказывать на нее определенное влияние как в сторону большей, так и в сторону меньшей степени уверенности говорящего. Между

эпистемической силой, выражаемой лексически, и соответствующими просодическими характеристиками существуют при этом определенные корреляции. При отсутствии в высказывании вербальных эпистемических маркеров просодия может частично выполнять их функции.

У детей окончательное формирование категории эпистемической модальности происходит довольно поздно: в шести-, восьмилетнем возрасте дети в большинстве случаев воспринимают эпистемические значения как бинарную оппозицию *уверен vs. неуверен*. К одиннадцати годам формируется способность к большей детализации, однако формирование данной категории в этом возрасте еще не заканчивается.

Позволим себе высказать несколько замечаний относительно проведенных исследований. Весьма интересным представляется эксперимент с делексикализованным русским корпусом, анализируемым русскоговорящими испытуемыми, и с обычным, лексикализованным корпусом, анализируемым немецкоговорящими испытуемыми, не знающими русского языка. Результаты, получаемые в этом случае, зависят в первую очередь от базы просодических представлений родного языка каждого из испытуемых, вследствие чего при одинаковых оценках можно говорить о некоторых универсальных представлениях. Поэтому целесообразно было бы, во-первых, провести аналогичный эксперимент и с сербохорватским делексикализованным корпусом, а во-вторых, увеличить количество дикторов и испытуемых, чтобы уменьшить влияние субъективных факторов.

Последнее замечание касается и остальных проведенных экспериментов: как отмечает М. Краузе, речевые фрагменты двух русских дикторов в некоторых случаях различались по ряду параметров, что говорит о необходимости привлечения более обширного языкового материала для большей достоверности получаемых результатов.

Несмотря на это, исследование Краузе представляет большой интерес, так как затрагивает когнитивные и коммуникативные аспекты изучения модальности, анализ которых имеет особое значение вследствие пограничного положения данной категории на стыке лингвистики, философии, логики и психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // ВЯ. 1995. № 4.
Апресян 2001 – Ю.Д. Апресян. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в рус-

- ском языке // Русск. яз. в научн. освещении. М., 2001. № 1.
- Зализняк 2006 – Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Иоанесян 2000 – Е.Р. Иоанесян. Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале французского языка). М., 2000.
- ЛАЯ 1988 – Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- ТФГ 1990 – Теория функциональной грамматики (Темпоральность. Модальность.). Л., 1990.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. Evidentiality: Problems and challenges // Piet van Sterkenburg (ed.). Linguistics today – Facing a greater challenge. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Jachnow et al. 1994 – H. Jachnow, N.B. Meckovskaja, B.Ju. Norman, A.E. Suprun (Hrsg.). Modalität und Modus. Wiesbaden, 1994.
- Lyons 1971 – J. Lyons. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1971.
- Mayerthaler 1981 – W. Mayerthaler. Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
- Palmer 1986 – F.R. Palmer. Mood and modality. Cambridge, 1986.
- Van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V.A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2. 1998.
- Wurzel 1984 – W.U. Wurzel. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. Berlin, 1984.

М.А. Петрова